

2002 год: в Европе ввели наличные евро, в Солт-Лейк-Сити прошли XIX зимние Олимпийские игры, в России показали первую часть «Властелина Колец», а в нашем классе появилась новая ученица.

И кто знает, какое из этих событий имело большее значение для мировой истории.

* * *

На новенькую девчонку смотрели с подозрением. Оно и понятно – кому же придёт в голову менять школу во второй половине учебного года. Да ещё в одиннадцатом классе, когда на носу выпускные экзамены. И сам выпускной, куда уж без него.

Стоило вспомнить о выпускном, как настроение моментально испортилось. То, что нам старательно преподносили как самое важное событие в школьной жизни, для меня было одним сплошным поводом для депрессии. В первую очередь потому, что я совершенно не представляла, что буду делать на праздничном вечере. С одноклассниками я почти не общалась, в общественную жизнь старалась лишней раз не соваться... Даже танцевать не умела. Так что всерьёз опасалась, что просижу до конца мероприятия в углу с книжкой. Или просто сбегу сразу после вручения дипломов.

Но с торжественной частью всё тоже было непросто. Потому что забирать свою потенциальную золотую медаль положено в платье. А ещё, хорошо бы, в туфлях и с причёской. А денег нет. Совсем нет, абсолютно, потому что маме уже полгода зарплату не платят. А если вдруг выплатят – так хватит её только на то, чтоб долги раздать.

А самой на работу устроится... Это, конечно, вариант. Так ведь, опять же, экзамены на носу! Некогда. Да и кто меня возьмёт, несовершеннолетнюю и без образования? В общем, всё грустно.

– Ты только глянь, во что это чучело вырядилось! – хохотнул за спиной Игорь.

Я привычно одёрнула свитер, и только потом сообразила, что речь не обо мне, а о новенькой. Девушка действительно была одета более чем странно – в выдавшую виды тельняшку, камуфляжные штаны и начищенные до блеска армейские ботинки. Такое уместно смотрелось бы на десантнике, отмечающем профессиональный праздник, а не на старшекласснице. Впрочем, на школьницу девушка походила гораздо меньше, чем на того же десантника. Под два метра ростом, с широченными, как у пловчихи, плечами – она вошла в

кабинет, уселась на первое же свободное место и замерла, думая о чём-то своём. Даже глаза прикрыла, показывая, что ей нет никакого дела до чужих разговоров.

А разговоров было много.

О том, что в классе стало на одного ученика больше, нам сообщили ещё вчера. А вот о том, как выглядит наше пополнение, рассказать забыли. Или просто не хотели травмировать нежную детскую психику. Нашу, в смысле. И теперь народ бурно обсуждал новенькую, её одежду, грубоватое скуластое лицо, отсутствие сумки с учебниками и тетрадками... Всем было любопытно. Очень любопытно.

Особенно Игорю, которому всегда до всех было дело. В основном, конечно, он цеплялся ко мне. Его раздражали и заплетённые в косу волосы, и старый свитер, и редкое имя, и хорошие оценки по алгебре. Причём в равной мере. Но сегодня... Сегодня у него появился новый объект для издёвок. С одной стороны, меня это радовало. Но с другой... что-то подсказывало, что такой «объект» лучше лишний раз не трогать.

К сожалению, инстинкт самосохранения у Игоря отсутствовал напрочь.

– Эй ты, новенькая! Чем волосы красила, а?

Волосы у девушки действительно были очень странного цвета. Серого. Но не того серого, которым часто называют блёкло-русый. А классического, правильного серого цвета. Смесь чёрного и белого в равных пропорциях.

– Да ты ещё и глухая! Адресом не ошиблась, нет? ПТУ для инвалидов на другом конце города.

Нет, слышала новенькая прекрасно, это было заметно сразу. Просто некоторое время она пыталась сдерживаться. И если бы Игорь не был так озадачен собственной крутостью, а уделил хоть чуточку внимания «объекту», то он, возможно, обратил бы внимание на её сжавшиеся кулаки. А может, и не обратил бы, кто знает.

– Ну так что? Поделишься адресочком, где такую краску продают? Это эмаль, да? А наносили как? Головой в ведро макали? – парень шутливо дёрнул новенькую за куцый хвостик, перетянутый чёрной аптечной резинкой.

Девушка ударила резко, без предупреждения и не вставая с места. Кулаком в лицо.

Игорь отшатнулся к стенке, зажимая пострадавший нос ладонями. Между пальцев сочилась кровь.

– Ты... дура что ли? – прогнусавил он. – Психанутая! Идиотка! Солдафонка контуженная!

– Ага, – широко улыбнулась новенькая, – угадал. У меня даже справка есть. Показать?

– Да пошла ты со своей справкой! Да ты знаешь, кто мой папа? Да тебя завтра же в этой школе не будет! Нет, уже сегодня! Ты сядешь у меня, понятно?

– Я и так сижу, – ничуть не смутившись, ответила девушка. – А вот ты шёл бы уже, ладно?

– Чё? Ты кого послала? Ты куда послала, дура крашенная?

– Куда, куда... в медпункт, куда же ещё. Иди уже, умник.

Не знаю, чем закончилась бы эта словесная перепалка, но тут в класс летящей походкой отставной балерины вплыла Людмила Николаевна. Старейшему учителю школы хватило одного взгляда, чтоб оценить ситуацию, и пары фраз, чтоб её разрулить:

– Сашенька, отведите Игоря в медпункт. Ксюшенька, будьте добры, протрите пол, где кровью закапано. Симочка, выйдите к доске и перечертите вот эту схему.

Я торопливо выползла из-за парты и взяла листок с ужасающе-многоступенчатым заданием по генетике. Да, такое на слух не воспринимается, только с доски и срисовывать. А мне, значит, как всегда для всех писать. Побочные эффекты хорошего почерка.

– Оленька, а почему вы не в форме?

Был у нашей биологички один пунктик – она органически не переваривала современную моду. Будь её воля, школьницы до сих пор ходили бы в коричневых платьях с белыми воротничками. К счастью, Людмила Николаевна прекрасно понимала, что нас невозможно заставить одеваться так, как во времена её молодости. Поэтому «форма» означала, как правило, белый верх и чёрный низ. А в случае с девушками – ещё юбку и туфли. Ученицу в штанах и без сменки старая учительница могла запросто выгнать с урока без объяснения причин. Все давно это усвоили, а потому оделись сегодня как на парад. Все, кроме...

Я обернулась через плечо. Так и есть, биологичка стояла перед нашей новенькой.

– Оленька, разве вы не знаете, что на мои уроки надо приходиться в форме?

– А я что? Я в форме. Какая разница, в какой именно!

– Ольга, не дерзи мне! – Это было что-то новенькое. Я ещё могла предположить, откуда старушка знает имя новой ученицы (да хоть бы и в журнале посмотрела), но на «ты» она школьников никогда не называла. С самой первой встречи мы слышали от неё только «вы». Исключение учительница делала лишь для собственного внука, Ванечки, но и это было настолько редко... А тут вдруг ни с того ни с сего такое. – И, пожалуйста, Оленька, впредь одевайся как девочка. И носи с собой сменную обувь.

– Хорошо, Людмила Николаевна, я постараюсь.

Ух ты! Так она её тоже знает, раз по имени-отчеству величает. Может, они какие-то давние знакомые? Или даже родственники. Тогда всё ещё интереснее. Откуда в родственниках нашей интеллигентной биологички такая Ольга?

– Симочка, вы уже всё перечертили?

– Почти, – спохватилась я, усилием воли возвращаясь от новенькой к генетике. Любопытство терзало всё сильнее.

* * *

Игорь до конца уроков так и не появился. Видимо, отправился домой сразу из медпункта. А больше никто задирать новенькую не рисковал. Даже учителя относились к ней снисходительно и не пеняли на отсутствие учебников, тетрадок и сменки.

Сама Ольга тоже никаких фокусов не выкидывала. Прилежно писала обгрызенной ручкой в мятом блокноте, изредка поднимала руку, а на истории сама вызвалась к доске и вполне успешно рассказала про русско-японскую войну. Кроме этого, она не кидалась на переменах мокрыми тряпками, не бегала курить за угол и не привязывала мою косу к стулу. То есть, оказалась совсем не таким страшным созданием, как мне сперва подумалось.

Постепенно утренние события начали казаться простым недоразумением. Подумаешь, не сошлись характерами двое одноклассников, с кем не бывает. Завтра все уже и думать об этом забудут.

Не забыли...

* * *

В школу я обычно шла не торопясь. А куда спешить-то? Живу, конечно, далековато... Но выхожу заранее, да и домашку перед уроком ни у кого списывать не надо... Даже наоборот, это у меня её обычно все старались скатать. И прийти раньше времени – значило почти наверняка отдать тетрадку на растерзание одноклассникам. Нет, мне не жалко. Но когда она после коллективного списывания возвращалась ко мне помятая, заляпанная, с выдранными листами и нецензурными надписями на полях – это было обидно. Очень.

До начала занятий оставалось почти двадцать минут, поэтому я неторопливо брела по засыпанному снегом парку и считала снегирей. Почему-то сегодня их было меньше обычного. То всю рябину облепят, а сейчас – стайка пролетела и на ягоды даже не посмотрела. Спугнули их, что ли...

Наблюдая за красногрудыми птичками, я так увлеклась, что сперва и не заметила, как на тропинке появился ещё один пешеход. Высокая девушка шагала вдоль сугробов, рассеянно глядя на затянутое тяжёлыми облаками небо, а холодный ветер беспрепятственно трепал её короткие серые волосы.

– Оля! – окликнула я и сразу же мысленно обозвала себя дурой. Ну идёт себе человек в школу – и пусть идёт. Не навязываться же в компанию. Да и... честно говоря, я всё ещё немного побаивалась новенькую. И совершенно не представляла, чего от неё можно ожидать.

Серволосая медленно, будто бы нехотя, обернулась и скользнула по мне взглядом. Ой, да она ведь меня и не узнает, наверное! Но раз уж я первая полезла общаться, то надо хоть имя назвать...

– Привет. Я – Сима. Мы в одном классе. Извини, что отвлекла. Просто я шла следом и решила поздороваться.

– Привет! – Новенькая улыбнулась мне неожиданно тепло, как давней подруге. – Могла бы и не представляться, я прекрасно тебя помню. Первый ряд, предпоследняя парта у окна, отличница с толстой косой и длинными ногами. Приятно познакомиться.

Я смущённо покраснела, несмотря на то, что сейчас коса была надёжно упрятана под шапку, а ноги – в джинсы (в те дни, когда не было биологии, я предпочитала ходить в штанах). Сама Ольга тоже сменила бесформенный камуфляж на джинсу. Только ботинки оставила те же самые.

– Эээ... У тебя хорошая память, – пробубнила я, не зная, как ещё поддержать разговор.

– Не обращай внимания, это профессиональное, – отмахнулась девушка. – Красивое у тебя имя. Необычное. Это в честь кого-то?

– Да. Так мою прабабушку звали. Серафима, если полностью.

– Люблю редкие имена. Они звучат и сияют.

– У тебя тоже красивое имя, – пожала плечами я.

– У меня обычное имя, затёртое. Его носят все, кому не лень. А я не люблю быть как все. И имя своё не люблю. Особенно когда называют Олечкой и Оленькой.

– А как тебя тогда называть?

– Так и называть, полностью, Ольга. Оно хоть не так убого звучит. А лучше – Хель. Меня многие так зовут.

– Хель – это же богиня смерти в скандинавской мифологии, – вспомнила я.

– Ага, – довольно улыбнулась новенькая. Кажется, сравнение с богиней её обрадовало. А меня приятно удивило, что разговор всё-таки разгорелся. Теперь мы шли рядом, чудом помещаясь на узкой тропинке. – Кстати, настоящая Хель – мировая тётка, если подумать. Злющая конечно, но когда вокруг толпами ходят мёртвые викинги, сложно быть белым и пушистым.

– Ты так говоришь, будто лично её знаешь.

– Лично – нет, не доводилось. Но говорят, что... Тихо! Замри! Слышишь?

Я покорно прислушалась, но тёплая шапка глушила все шелесты и шорохи. Я даже собственные шаги по скрипучему снегу едва слышала. А вот у моей спутницы слух был, похоже, как у собаки. Она и внешне чем-то неуловимо напоминала овчарку – рослую, поджарую и опасную. Застывшую в охотничьей стойке.

Ноздри девушки расширились, втягивая морозный воздух.

– Ложись! – она резко дёрнула меня за руку.

Я, не раздумывая, рухнула в сугроб, и в тот же момент над моей головой, со свистом рассекая воздух, пронеслось что-то круглое и белое. А потом ещё и ещё.

– Нашли время в снежки играть, – прошипела я.

– Тогда уж, в ледки, – поправила меня Хель, залёгшая в том же сугробе. – Глянь туда.

Я скосила глаза в указанном направлении. Очередной не попавший в нас снаряд как раз врезался в дерево. И вместо того, чтоб расплаться по стволу белой кляксой, просто воткнулся в него да так и замер, поблёскивая ледяным боком. Я представила на месте дерева свою голову и нервно сглотнула.

Между тем снежки-ледки летели, казалось, со всех сторон одновременно. Спасало только то, что неизвестные «доброжелатели» явно швырялись наугад. Потому что разглядеть нас, закопавшихся в толщу снега, было крайне трудно.

– Слушай, а до звонка-то всего пять минут осталось, – моя спутница демонстративно трянула часами. – Не знаю, как тебе, а мне опаздывать не хочется.

– А ледышкой по лбу получать хочется?

– Пусть сначала попадут, – усмехнулась Ольга. – Сиди здесь и не высовывайся, пока я не разрешу.

– А если... – начала было я, но девушка уже выпрямилась во весь свой немаленький рост и, встряхнувшись (ну ей-богу овчарка!), шагнула на тропинку.

Мишень из неё получилась заметная. Невидимые глазу метатели явно обрадовались такому повороту событий. Хаотичное мельтешение снежков над моей головой прекратилось: теперь все они летели чётко в Хель.

Не попал ни один!

Серволосая шла медленно, размеренно и, кажется, вообще не смотрела по сторонам. Просто в нужный момент плавно шагала в сторону, а то и вовсе слегка поворачивалась – и очередной снаряд уходил «в молоко».

Осмелев, я тоже выползла из сугроба, чтобы ничего не пропустить. Интуиция подсказывала – сейчас будет интересно. Тем более, вряд ли мне что-то грозило. Если изначально в меня кто-то и целился, то сейчас одноклассница явно перетянула внимание окружающих на себя.

Девушка всё ближе подходила к лавочке, за которой притаился самый настырный из метателей. Я бы на его (её? их?) месте давно слиняла бы оттуда, но тип попался упорный и явно решил или довести начатое до конца, или геройски погибнуть в неравном бою. В общем, или идейный самурай, или клинический идиот. Я мысленно поставила на второе – и не прогадала.

Момент, когда Хель прекратила своё неторопливое шествие и одним стремительным прыжком перемахнула через лавочку, я пропустила. Успела заметить только смазанное движение – и в тот же момент утреннюю парковую тишину прорезал вопль. Громкий такой, испуганный... и оборвавшийся едва ли не на середине. Дальше был явственный звук удара деревянным о деревянное. А потом ещё один.

Когда я наконец-то добежала до места действия, Хель успела раза четыре приложить Игоря лбом об лавку. И явно намерена была довести счёт хотя бы до десяти.

– Стой! Ты же прибьёшь его нафиг!

– А тебе жалко? – хмыкнула девушка, неохотно открывая глаза.

– Ну... Тогда тебя посадят за убийство, а меня – за соучастие, и это будет очень грустно.

– А серьёзно? Тебе его жалко?

– Пожалуй, да, – созналась я. Избиваемый согласно прохрюкал что-то неразборчивое и украдкой слизнул кровь с губы. – Он дурак, конечно... Но знаешь, на Руси юродивых обижать не принято было.

– Тоже верно, – Хель снова хмыкнула и отступила на шаг, оглядывая дело рук своих.

Посмотреть, к слову, было на что. К расквашенному накануне (и всё ещё немного припухшему) носу добавилась пара кровоподтёков на лбу, ссадина на щеке и разбитые губы. И злобный-злобный взгляд.

– Дура, – буркнул Игорь, с трудом принимая вертикальное положение. – Психованная! Я тебе ещё... я...

– Да-да? – с приторной вежливостью переспросила девушка. – Что именно ты мне?

– Я... Да стоит мне только отцу шепнуть, и он...

– Да, я помню, папочкой ты уже грозился. Но это было вчера. Ничего нового с тех пор не придумал?

– Идиотка! – Парень снова облизнул губы и, пробормотав себе под нос ещё что-то неразборчивое, удалился гордой шатающейся походкой.

– А если действительно отцу пожалуется? – предположила я. – Он у него военный, кстати. Или в милицию заявит...

– Да ничего мне не будет, – беззаботно отмахнулась девушка. – И тебе тоже. А вот за опоздание на алгебру – будет! Так что побежали уже!

– А как же остальные?

– Какие остальные?

– Ну, которые снежки кидали.

– Да разбежались все давно. Что их, по следам вычислять, что ли? Вот оно мне надо! Так что поверь на слово, не сунутся они больше.

– Да? – Я с сомнением осмотрела сугробы и внезапно заметила на тропинке небольшой ярко-алый прямоугольник. – Ой, кто-то удостоверение потерял.

– Чёрт! – Хель неизвестно как умудрилась оказаться у находки раньше, чем я договорила фразу. – Вечно оно из кармана вылетает. Ну чего уставилась? Алгебра, алгебра, алгебра! Вперёд!

На урок мы всё-таки опоздали, хоть и незначительно. Пропустили разве что вдохновенную речь нашей классной о каком-то маньяке, избившем трёх милиционеров возле её дома. А так как жила она неподалёку, то речь окончилась чередой банальных предостережений «С незнакомыми не разговаривать», «В лифт с непонятными мужчинами не входить», «До темноты не гулять»...

– Так у нас темнота круглосуточная. Полярная ночь же! Что, вообще из дому не выходить? – вполголоса пробормотал мой сосед по парте.

– Не умничай, Марков, – одёрнула его математичка. – И вообще, не слишком ли хорошо ты там устроился? Задние парты, да ещё Сима под боком. А ну-ка пересядь поближе.

– А поближе занято всё.

– А вот мы Олю с тобой местами поменяем. Тем более, она у нас девочка высокая... Оля, у тебя зрение хорошее? Тогда поменяйся с Марковым.

Новенькая кивнула и с готовностью плюхнулась на освободившееся рядом со мной место. А меня вдруг как учебником по голове шарахнуло... зрение... зрение у неё хорошее...

Все посторонние разговоры во время урока наша классная жёстко пресекала, поэтому я едва дождалась перемены, чтобы спросить:

– Хель, можно вопрос? Только не удивляйся, но... мне показалась, что когда я подбежала... когда ты Игоря в лавочку впечатывала, у тебя глаза были закрыты.

– А где здесь вопрос? – сощурилась девушка.

– Ну... они действительно были закрыты, или мне показалось?

– Нет, не показалось.

– Тогда можно ещё вопрос?

– Нет.

Я покорно кивнула. Не хочет говорить – и не надо, переживу. Всё равно же узнаю!

Тем более, что есть и запасной план. Куда там она удостоверение засунула? В задний карман джинсов?

* * *

Следующие три урока я сидела как на иголках и мечтала только об одном – чтоб у новенькой не было освобождения от физкультуры. Потому что иначе весь мой план натурально летел к Хель. В изначальном смысле.

К счастью, судьба в тот день была ко мне благосклонна. И даже вдвойне благосклонна, потому что на вопль «Чур, я сегодня дежурю!» никто не откликнулся согласным «Я тоже!» В итоге спустя несколько минут после звонка я осталась в раздевалке наедине со своими мыслями и кучей общественных вещей.

Так, джинсы, джинсы... Куда же она их засунула? Ага, вот!

Лазить по чужим карманам, конечно, нехорошо. Но я ведь ничего брать не буду. Только посмотрю – и сразу положу на место. Честно-честно!

Совесть уговорить так и не удалось. Она явственно противилась всему происходящему, но любопытство оказалось сильнее, и я решительно вытащила удостоверение наружу.

Корочка как корочка. Красная, прямоугольная, слегка помятая от небрежного обращения. И без каких-либо опознавательных знаков на обложке. А что на них вообще обычно пишут? Название ведомства, кажется... А тут, значит, решили без показухи обойтись. Чем дальше – тем интереснее. Мысль о том, что документ может оказаться обычной игрушкой, какие на каждом углу продают, мелькнула и тут же сбежала. Потому что на игрушках тоже пишут: «удостоверение любимой тёщи», например. Или «пропуск в женский туалет». Пустая-то корочка никому не нужна. Вроде бы.

Ладно, а внутри там что?

Я глубоко вздохнула, пытаюсь успокоить внезапно задрожавшие руки... да так и застыла, прикусив губу. Потому что дверь за спиной натужно заскрипела и тоненький голосок прошептал:

– Сима, а что ты тут делаешь?

– Н-ничего, – буркнула я, втайне радуясь, что руки мои от входа не видны.

Голосок принадлежал нашей старосте, Таньке. Татьяна, несмотря на свой маленький рост, была девушкой заметной. В том плане, что успевала и за классным журналом бегать, и в олимпиадах участвовать, и за графиком дежурств следить, и конкурсы самодеятельности внутришкольного масштаба выигрывать, и все новости узнавать одной из первых. Запасы энергии и энтузиазма в хрупкой Танькиной фигурке были неисчерпаемы. Уровень любопытства тоже превосходил мой на порядок. И всё бы ничего, если бы не её вредность. Хорошая девочка Танечка жила по принципу «сделал гадость – сердцу радость». И перед этой чертой её характера меркли все остальные.

– Сим, поддержи, пожалуйста. – Я нехотя обернулась через плечо. Староста протягивала мне журнал. – Ну поддержи, чего тебе стоит. А я быстренько переоденусь. И так опоздала уже немножко...

– Положи на лавку.

– Там вещи лежат. Поддержи.

Мысленно чертыхнувшись, я тихонько заткнула удостоверение за пояс, прикрыла сверху свитером и только тогда развернулась к однокласснице полностью.